ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, 2021, том 91, № 9, с. 820–830

ВЫНУЖДЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И ИММОБИЛЬНОСТЬ В ТУРБУЛЕНТНОМ МИРЕ

© 2021 г. И. П. Цапенко

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

E-mail: tsapenko@bk.ru; tsapenko@imemo.ru

Поступила в редакцию 10.05.2021 г.
После доработки 25.05.2021 г.
Принята к публикации 02.06.2021 г.

Вынужденная мобильность и вынужденная иммобильность – не просто полярные типы недобровольного миграционного поведения. По мнению автора, они тесно взаимосвязаны и подобны сообщающимся сосудам, будучи порождением общих причин: конфликтности, насилия и неблагоприятных экологических процессов, действие которых может быть как выталкивающим, так и препятствующим передвижениям. На принятие решения, уехать или остаться на прежнем месте, влияет целый комплекс объективных факторов и субъективных обстоятельств, включая ценности, предпочтения, эмоции, иррациональность и др. Нарастание общественной нестабильности и неблагополучия сказывается в росте масштабов вынужденных перемещений, повышении доли беженцев среди мигрантов, что говорит об усилении вынужденного характера современной миграции. Умножение горячих точек конфликтов и катастроф усиливает риски попадания людей, не располагающих миграционным ресурсом, в капканы иммобильности. Улучшению защиты и поддержки пострадавших от политических и природных катаклизмов могут способствовать комплексные решения и совместные действия государств и других заинтересованных сторон. Наблюдается тенденция к распространению помощи на более широкие нуждающиеся группы населения.

Ключевые слова: конфликты и преследование, природные бедствия и изменение климата, пандемия COVID-19, вынужденная мобильность, беженцы, лица, перемещённые внутри стран, вынужденная иммобильность, застрявшее население, комплексные решения и совместные действия в области защиты и поддержки пострадавших от политических и природных катаклизмов.

DOI: 10.31857/S0869587321090103

Современный мир переживает разительные трансформации – масштабные, глубокие и динамичные. В то же время переменам и ускорению, которыми отмечен наш век, нередко сопутствует нарастание общественной нестабильности и неблагополучия. Согласно докладу о Глобальном индексе миролюбия 2020 г., составленному австралийским Институтом экономики и мира, с 2008 г. на планете наблюдается усиление конфликтности, насилия и неблагоприятных экологических процессов, сопровождаемое ухудшением безопасности условий жизни. За 2011–2019 гг. число гражданских волнений и общественных беспорядков, происходящих в мире, увеличилось более чем втрое, в том числе в Африке – в 9 раз. И природные бедствия разражаются ныне втрое чаще, чем четыре десятилетия назад [1]. Последствия этих катаклизмов усугубляются пандемией COVID-19 и вызванным ею экономическим кризисом.

ЦАПЕНКО Ирина Павловна – доктор экономических наук, заведующая сектором ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

В период турбулентности серьёзные сдвиги происходят также и в сфере людских перемещений, преобразуя миграционную повестку, в том

числе политику государств и их союзов, прав человека, социального неравенства, ценностей и установок и т.п. Как подчёркивается в докладе Международной организации по миграции (МОМ) 2020 г., подобные перемены побуждают исследователей миграции к обновлению изучаемой ими тематики и пересмотру прежних подходов [2].

Ещё совсем недавно – на рубеже веков – в центре внимания учёных и политиков был небывалый рост масштабов трансграничных миграций – перемещений людей со сменой стран их обычного проживания. Распространение краткосрочных немиграционных передвижений населения не преминуло сказаться на расширении предмета исследований и использовании термина "мобильность" для характеристики новых реалий в этой сфере. В то же время нарастание нестабильности и неблагополучия в мире, возникновение неблагоприятных, ненормальных и чрезвычайных жизненных ситуаций и условий усиливает действие негативных факторов, выталкивающих людей с насиженных мест или, наоборот, препятствующих передвижениям. Речь идёт о вынужденной мобильности и иммобильности[1]. Актуальность и значимость проблематики вынужденного миграционного поведения резко повысилась и особенно ярко высветилась в условиях застывания потоков, или "кризиса мобильности", вызванного пандемией COVID-19.

Настоящая статья посвящена вынужденному миграционному поведению людей, трактуемому в широком смысле этого термина. Оно включает не только недобровольные перемещения населения, в первую очередь беженство, но и гораздо менее заметную и менее известную, но от этого не менее экстремальную форму такого поведения – вынужденную территориальную неподвижность людей, оказавшихся в капканах политических и природных катаклизмов.

Что понимается под вынужденной мобильностью и иммобильностью? Каковы факторы и механизмы вынужденного миграционного поведения? Какие тенденции наблюдаются в сфере мобильности? Как влияет на них пандемия COVID-19? Какие изменения происходят в системе защиты лиц, пострадавших от конфликтов и природных бедствий? Эти вопросы окажутся в центре внимания в данной работе, которая основана на анализе имеющихся теоретических исследований и статистической информации из различных источников.

ВЫНУЖДЕННЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ: ИЗДЕРЖКИ И АДАПТАЦИОННЫЙ РЕСУРС

Территориальная мобильность – это естественная черта и неотъемлемая часть современной жизни, метафорически и очень метко названной британским социологом З. Бауманом текучей (в силу непрестанных миграционных и прочих переливов). Другой британский социолог Дж. Урри, рассматривая мир сквозь призму потоков, отмечал, что «и для богатых, и даже для бедных движение стало означать "способ проживания" на земном шаре» [3, с. 69].

Вместе с тем очевидно, что не всякая мобильность является нормальной и добровольной. Статистика говорит о том, что мобильность всё чаще становится способом выживания, принимая вынужденный характер. В научной литературе термин "вынужденная мобильность" используется в качестве зонтичного для характеристики людских потоков, в которых присутствует элемент принуждения, в том числе угроза жизни, здоровью и свободе в результате политических преследований и конфликтов, природных или техногенных катаклизмов. Однако разделение мобильности на добровольную и вынужденную отчасти условно и произвольно. Так, миграция, обусловленная давлением неблагоприятных социально-экономических обстоятельств, в частности массовой безработицы, нищеты и т.п., то есть фактически являющаяся вынужденной, формально считается добровольной. Более того, множественность причин перемещения людей из страны в страну затрудняет чёткое их разграничение. Поэтому территориальную подвижность населения порой представляют как некий континуум разных видов перемещений – от полностью добровольных до полностью вынужденных [2, p. 256].

До недавнего времени концепт вынужденных миграций почти не разрабатывался. Швейцарский экономист Э. Пиге объясняет это доминированием экономической парадигмы в миграционных исследованиях. Построение миграционных теорий, как правило, сводилось к определению неких закономерностей людских передвижений, при принятии решения о которых потенциальные мигранты сохраняли большую свободу выбора и не принуждались к переезду [4]. Начало такому подходу было положено английским географом Э. Равенстайном, предложившим так называемые законы миграции. При рассмотрении миграции как экономического феномена и объяснении её причин, механизмов и последствий с позиций экономического детерминизма обычно не принималось во внимание бе-

[1] Как отмечается в Резолюции Ассамблеи Совета Европы 2009 г. № 1655, п. 2, "стихийные бедствия и ухудшение состояния окружающей среды во всё большей степени будут определять природу мобильности народонаселения, а также её гуманитарного и безопасностного измерения, что нуждается в срочном анализе". (https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5bRussian_documents%5d/%5b2009%5d/%5bJan2009%5d/Res1655_rus.asp)

женство от вооружённых конфликтов, экологических катастроф и т.п. Как отмечал американский политолог и историк миграции А. Зольберг, стихийность, уникальность развития событий и непредсказуемость его вариантов, присущие данному виду передвижений, делают их малопригодными для теоретического анализа [цит. по: 4].

Между тем более полувека назад американский социолог-функционалист Е. Ли представил миграцию как результат действия факторов выталкивания (в том числе политических и природных) и притяжения. А по мнению британско-австралийского исследователя С. Кастлза, прежнее ви́дение беженства как цепи несвязанных чрезвычайных ситуаций уступает место суждению о нём как неотъемлемой части отношений Север–Юг [5, p. 17], складывающихся в процессе глобализации и сопряжённых с огромными разрывами в развитии отдельных стран и регионов и острейшим социальным неравенством на отстающих территориях. А социальному неравенству, как известно, нередко сопутствуют политическая нестабильность и конфликтность, нарушения прав человека, преследования и т.п. К этому добавляются техногенные катастрофы и неблагоприятные изменения климата, провоцируемые безответственной хозяйственной деятельностью крупных корпораций, особенно на вновь осваиваемых экономических пространствах. Стимулируемые общественными трансформациями и социальным расслоением, политическими и экологическими катаклизмами перемещения населения, которые в совокупности определяются как “смешанные потоки” (*mixed migration*), органично вписываются в рамки миграционной теории [6, 7] и более объёмных концептуальных каркасов мировых систем И. Валлерстайна, глобализации С. Сассен и других историко-структуралистских конструкций.

Более того, развитие в последние десятилетия междисциплинарного подхода к изучению трансграничной миграции позволяет рассматривать вынужденные передвижения с позиций и в категориях разных наук как многомерный общественный процесс. Очевидно, что между уровнем политического и экологического неблагополучия и интенсивностью вынужденных потоков существует зависимость, однако, как показывают исследования, подобная связь обычно носит нелинейный характер. Решение о том, уехать или остаться на прежнем месте, невзирая на риски, на деле принимается с учётом целого ряда обстоятельств [2]. На склонность, мотивацию и готовность к миграции могут влиять как объективные, так и субъективные, личностные факторы, причём они могут быть долговременными, а могут возникать вследствие внезапного побуждения (толчка). Если рассматривать вынужденную мобильность и иммобильность как две стороны одного феномена, можно выстроить разветвлённую систему детерминантов, причин и условий, влияющих на миграционное поведение населения. При этом вынужденные перемещения могут трактоваться в широком политэкономическом контексте как один из видов отношений граждан с государством, когда люди сохраняют определённую автономию в принятии миграционного решения и в той или иной мере контролируют маршруты и способы своего передвижения [4]. Учитывая, что покинуть опасные территории возможно лишь при определённых условиях, такие перемещения, при всех их издержках для мигрантов и принимающих сообществ, обладают свойствами спасительного миграционного ресурса и важного элемента адаптационной стратегии [8], к которым, по сути, человечество обращалось с незапамятных времён.

Подобная интерпретация вынужденных миграций привносит в их модель некие элементы выбора и добровольности, что даёт основание для выявления правил и построения схем. Однако это ни в коей мере не меняет вынужденной природы таких потоков, очень точно отражённой в концепте “миграции выживания” (*survival migration*) британского политолога А. Беттса [9]. Прежде всего это относится к беженцам, которыми, согласно международному праву[2], считаются лица, покидающие родные места из-за серьёзной угрозы их жизни, физической неприкосновенности или свободе в результате преследования, вооружённого конфликта, насилия или крупных общественных беспорядков.

Статистика ООН свидетельствует, что за внешне устойчивой поступательной динамикой мировой численности международных мигрантов, возросшей за первое двадцатилетие нынешнего века с 173 млн до 281 млн (в первую очередь за счёт увеличения числа иностранных работников и воссоединившихся членов семей), скрывается значительная изменчивость потоков в чрезвычайных и иных не укладывающихся в понятие нормы ситуациях. С середины нулевых годов в условиях усиления политической нестабильности и конфликтности именно вынужденные перемещения, особенно из самых бедных стран, укрупнялись в относительном выражении наиболее интенсивно, породив в 2010-е годы острые миграционные кризисы в Европе и Северной Америке. В 2005–2020 гг. среднегодовые темпы

[2] Женевская конвенция ООН о статусе беженцев 1951 г., являющаяся основополагающим (наряду Протоколом 1967 г.) документом в этой области, определяет беженца как лицо, которое “в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определённой социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны” (ст. 1).

роста мировой численности беженцев и лиц, ищущих убежища, составили 5.5%, тогда как всех мигрантов – 2.5% [рассчитано по: 10]. В результате с 2000 г. число беженцев и лиц, ищущих убежища, более чем удвоилось, составив в 2020 г. почти 34 млн человек. Доля этой категории в общей численности международных мигрантов возросла с 9.5% в 2000 г. до 12% в 2020 г. [10]. А в бедных странах назначения, которые не могут обеспечить приемлемые условия размещения столь массовых контингентов, этот показатель достигает 50%.

С конца прошлого века растущее внимание исследователей, политиков и общественности стали привлекать экологические миграции. Однако, несмотря на большой массив работ, посвящённых этой теме, до сих пор не сформировалось общепринятого понятия "экологический мигрант", и в научной, в частности англоязычной, литературе используется большое количество терминов (*environmental migrant, environmental refugee*, *climate refugee, environmentally induced migrant, environmentally motivated migrant* и др. [11]).

В докладе Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) прямо говорится, что деградация окружающей среды вызывает перемещения людей, "ставя под угрозу их жизни и лишая их средств к существованию до непереносимой степени" [12, с. 70]. Серьёзные миграционные вызовы связаны с обострением проблем продовольственной безопасности, дефицита питьевой воды и рисков потери ареалов обитания. Международная организация по миграции определяет экологическую миграцию шире – как "передвижения людей или групп людей, которые... по причинам внезапных или постепенных изменений среды обитания, негативно влияющих на их жизнь и условия жизни, вынуждены или предпочитают постоянно или временно покинуть место своего обычного проживания" [13, p. 65]. Среди факторов внезапного характера – природные бедствия (засухи, циклоны, штормы и наводнения), техногенные катастрофы, порождающие потоки экстренно спасающихся мигрантов; в числе факторов постепенного действия – неблагоприятное изменение климатических условий и среды обитания, в том числе опустынивание, обезлесение, эрозия почвы, повышение уровня моря и др., которые вынуждают к отъезду или побуждают и мотивируют людей к поиску лучшего места для жизни [14, с. 165].

Повышается значение внезапных и пульсирующих угроз, исходящих от эпидемий ранее не известных болезней, что соответствует концепции эпидемиологического перехода. Вызванное COVID-19 повышение биологической опасности и снижение комфортности среды обитания вынуждает людей покидать не только страны с высокими показателями заболеваемости коронавирусом, но и переезжать из крупных городов в сельские районы с более благополучной эпидемической ситуацией. В последнем случае можно говорить о явлении деурбанизации. В то же время пандемия спровоцировала нетипичные вынужденные потоки: массовую спешную репатриацию людей, опасавшихся застрять за рубежом из-за локдауна, включая нелегальные возвратные потоки, например, марокканцев, проживавших в Испании, тайцев, работавших в Мьянме.

Терминологическая сумятица в области экологических миграций сказывается в недостатке надёжной и регулярной статистики. Особенно сложно отслеживать перемещения, вызванные постепенными изменениями климата. Учитывая, что вынужденная миграция зачастую осуществляется на ограниченный промежуток времени и на относительно небольшие расстояния, основное внимание уделяется оценке масштабов внутренних перемещений[3].

Данные Центра мониторинга внутреннего перемещения (*IDMC*) свидетельствуют, что экологические катаклизмы чаще вынуждают людей к смене места обитания, нежели политическое неблагополучие. Численность лиц, вновь перемещённых в течение 2020 г. внутри стран (число новых случаев перемещения за год), достигла 40.5 млн – наивысшего уровня с 2011 г. Большинство из них – 30.7 млн – покинули родные места в связи с природными бедствиями или эвакуированы перед ними (прежде всего в Китае, на Филиппинах, в Бангладеш, Индии и США); гораздо меньше – 9.8 млн – в связи с конфликтами и насилием (в первую очередь в Демократической республике Конго, Сирии, Эфиопии, Мозамбике, Буркина Фасо) (рис. 1). Порой действие этих двух факторов накладывается друг на друга. Так, жители Сомали и Йемена, покинувшие свои места из-за межнациональных конфликтов, природными бедствиями были принуждены к новым перемещениям. Подобные причины нередко движут людьми и на постсоветском пространстве [15]. В 2020 г. массовые перемещения в регионе вызвали наводнения в Узбекистане и Казахстане, армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха (при временном затишье боевых действий на Украине).

Влияние природных бедствий обычно (но далеко не всегда) более кратковременно, что позво-

[3] Согласно Руководящим принципам по вопросу о перемещении лиц внутри страны, принятым ООН в 1998 г., "...перемещёнными внутри страны лицами считаются лица или группы лиц, которых заставили или вынудили бросить или покинуть свои дома или места обычного проживания, в частности в результате или во избежание последствий вооружённого конфликта, повсеместных проявлений насилия, нарушений прав человека, стихийных или вызванных деятельностью человека бедствий, и которые не пересекали международно признанных государственных границ".

Рис. 1. Число вновь перемещённых лиц в результате конфликтов, насилия и природных бедствий в течение года, 2003–2020 гг., млн

Составлено по [16].

Рис. 2. Совокупное (накопленное) число ранее перемещённых лиц в результате конфликтов, насилия и природных бедствий, продолжающих вынужденно находиться вдали от дома, на конец года, 2003–2019 гг., млн

Составлено по [16].

ляет людям возвращаться в родные места по мере прекращения таких катаклизмов и ликвидации их последствий, в отличие от затяжного характера многих политических конфликтов, продолжительного пребывания у власти недемократических режимов, что препятствует обратному движению домой и нередко вынуждает к вторичным, в том числе трансграничным миграциям. В результате совокупная (наколенная) численность лиц, когда-либо перемещённых под действием политических причин и не имеющих возможности вернуться на прежнее место, регулярно, почти из года в год пополняется всё новыми контингентами и существенно превышает аналогичные когорты живущих вдали от дома из-за экологических катастроф. Из 55 млн общемирового количества внутренне перемещённых лиц, аккумулированного к концу 2020 г., 48 млн проживали не в родных местах вследствие конфликтов и насилия (максимум с 1990 г.), в то время как из-за природных бедствий, глобальный учёт которых начал вестись только с 2019 г., за пределами традиционных ареалов находились 7 млн (рис. 2). Учитывая ныне действующую тенденцию к усилению конфликтности в мире, можно ожидать интенсификацию перемещений населения, вызываемых этим процессом. Подобный сценарий фигурирует среди основных вариантов развития миграции в ближайшие десятилетия, разработанных экспертным сообществом [17].

В связи с ростом интенсивности экстремальных погодных явлений учёные прогнозируют гигантское увеличение масштабов экологических миграций. В то же время их оценки, начало которым было положено британским экологом Н. Майерсом в начале 1990-х годов, существенно различаются. Так, по прогнозам Всемирного банка, внутренними перемещениями, обусловленными климатическими причинами, к 2050 г. будет охвачено 143 млн землян, в том числе 86 млн в

тропической Африке, 40 млн в Южной Азии и 17 млн в Латинской Америке [18]. Согласно данным Института экономики и мира, 1.2 млрд людей проживают в странах с высоким риском природных бедствий и низкой устойчивостью к ним, в частности с низким уровнем миролюбия, что предполагает высокую вероятность миграции жителей этих территорий [1]. Однако точность подобных оценок вызывает в академическом сообществе определённый скепсис, связанный в том числе с недоучётом немиграционных адаптационных мер при моделировании потоков.

Современный мир переживает рост миграций, вызванных анормальными ситуациями. Стихийные перемещения населения усиливают уязвимость охваченных ими людей, обременяют принимающие территории грузом издержек и проблем и требуют управленческо-правового ответа. В то же время миграция, пусть даже вынужденная, позволяет избегать опасных ситуаций и тем самым представляет активный ответ на экологические и политические стрессоры, в отличие от иммобильности.

КАПКАНЫ ВЫНУЖДЕННОЙ ИММОБИЛЬНОСТИ

В начале нынешнего столетия норвежский социальный географ Й. Карлинг обратил внимание на то, что международных мигрантов многократно меньше, чем тех, кто не менял постоянного места жительства [19]. То есть иммобильность – более распространённое состояние, чем трансграничная мобильность. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что иностранные туристы составляют явное меньшинство по отношению к большинству людей, не совершающих подобных поездок.

Вопросы ограничений мобильности поднимались уже в классических теориях миграции. Так, в упомянутой выше теории миграции Е. Ли наряду с факторами выталкивания и притяжения учитываются также сдерживающие и препятствующие передвижениям факторы, включая отсутствие транспортного сообщения и законодательные рестрикции. Однако до недавнего времени в миграционных исследованиях доминировал “метанарратив номадизма”, в который не вписывалась остававшаяся на периферии научных изысканий тематика иммобильности [20].

Голландская исследовательница К. Шевел определяет иммобильность как пространственную непрерывность пребывания индивида в центре его притяжения, или месте его проживания, на протяжении определённого периода времени [20]. Ареал, в котором постоянно находится индивид, не пересекая границ этого пространства, может быть населённым пунктом, регионом, страной, континентом. Территориальное ранжирование иммобильности придаёт этому состоянию относительный характер: лица, считающиеся иммобильными в международном или межрегиональном масштабах остаются мобильными на местном уровне. Даже в условиях жёстких антикоронавирусных ограничений люди имели возможность передвигаться хотя бы в пределах кварталов своего проживания.

При этом иммобильность имеет разные, в том числе промежуточные, формы, которые могут перетекать друг в друга, равно как и в мобильность. Й. Карлинг, рассматривая миграционное поведение людей с точки зрения возможностей и желания переезжать, выделяет по аналогии с добровольной и вынужденной мобильностью два главных вида иммобильности. Во-первых, добровольную иммобильность, когда у индивидов или групп есть возможности, но нет стремления сменить место обитания; такая иммобильность может олицетворять как успешность и перспективы жизни на определённом месте, так и отсутствие интереса и мотивации к переездам. Во-вторых, вынужденную иммобильность, формирующуюся на фоне необходимости и желательности перемещения на другую территорию при отсутствии необходимых для этого возможностей [19]. Применительно к конфликтам и природным бедствиям рассматривается не постоянная иммобильность, синонимичная оседлости, а временная, обусловленная теми или иными катаклизмами. Группы населения, вынужденные оставаться на прежнем месте в условиях кризисов, получили название запертых, оказавшихся в капкане, попавших в ловушку, западню и т.п. (*trapped*)[4]. Голландский исследователь Х. де Хаас пишет о третьей форме подобного поведения, обозначая его как иммобильность покорности судьбе (*acquiescent immobility*), когда нет ни желания, ни возможности сменить место обитания, что связано с безразличием и обречённостью [22, p. 32].

Благодаря изысканиям в области иммобильности некогда распространённое представление о преимущественно рациональном характере и экономической обусловленности миграционного поведения уступает место более сложному его пониманию. Признаётся роль неэкономических ценностей, иррациональности и эмоций (привязанность человека к своему микромиру, страх перед неизвестным, боязнь рисков и проблем, сопряжённых с переездом и т.п.) при принятии решения об отказе от переезда даже в экстраординарных условиях.

[4] Данный термин был введён в научный оборот в 2011 г. в докладе по проекту “Предвидение”, реализованному под эгидой Отдела науки Правительства Великобритании [21, p. 15].

Существование двух противоположных стратегий миграционного реагирования на политические и природные катаклизмы – отъезд или жизнь на прежнем месте – указывает на то, что негативные общественные и экологические события способны не только порождать и интенсифицировать вынужденные потоки мигрантов, но и создавать препятствия для передвижения людей. Обследование сирийских беженцев обнаружило наличие временнóго лага (тайминговый эффект) при принятии решения об отъезде в условиях военного положения, который ассоциируется с выжидательной стратегией. В отличие от людей, никогда прежде не подвергавшихся насилию или ограничению их прав, которые стремятся уехать ещё до наступления непосредственной опасности, лица, оказавшиеся жертвами преследований, нередко снимаются с места лишь после повторных покушений на свободу и жизнь их лично или членов их семьи. Серьёзный иммобилизующий фактор – сложность выхода из зоны конфликтов и репрессий, поскольку на границах таких ареалов и на основных маршрутах передвижения беженцев могут поджидать засады боевиков [23].

Использованию мобильности в качестве спасительного средства могут препятствовать обстоятельства материального, физического, политического, психологического, социального и культурного характера [24]. В их числе недостаток финансовых ресурсов, социальных контактов, отсутствие транспортных средств или же сообщения, удалённость границ опасной зоны, нахождение на определённых этапах жизненного цикла, ограниченные физические возможности, рестриктивная миграционная политика, включая отказ в разрешении на въезд, задержания и депортации. Сочетание разных препятствий такого рода усиливает их эффект.

Мобильность выступает мощным стратифицирующим фактором, являясь, скорее, привилегией избранных, а не всеобщим благом, отсутствие доступа к которому символизирует обездоленность [20]. Жертвами социальных конфликтов и природных бедствий оказываются в основном малоимущие и наиболее уязвимые индивиды. Пример недавней войны в Сирии показывает, что первыми покинули страну обеспеченные люди со статусом и связями. Аналогичная ситуация сложилась и в случае с ураганом Катрина в Новом Орлеане (США) в 2005 г. Люди, обладавшие ресурсами для переезда, загодя покинули опасные территории. Лишённые же этих средств малообеспеченные слои, в первую очередь афроамериканцы, пожилые люди, жители, не имеющие автомобилей, остались дома, где и были застигнуты наводнением.

Более того, вынужденная иммобильность усиливает уязвимость людей и к другим обстоятельствам, усугубляя их положение [25]. Наносится ущерб не только физическому благополучию, но и душевному спокойствию людей, которые страдают от ощущения безвыходности, ущемления чувства собственного достоинства, расшатывания идентичности [24]. (Хотя известен и феномен личностного роста в ответ на тяжёлые жизненные ситуации.) Конфликты в Боснии, Шри-Ланке, Сомали в 1990-е годы убеждают, что те, кто не смог убежать от конфликтов и насилия, гораздо больше нуждались в гуманитарной помощи, нежели беженцы и внутренне перемещённые лица [26]. Между тем положение вынужденно иммобилизованных групп вызывает гораздо меньший общественный резонанс и более слабый отклик политических инициатив, чем масштабные вынужденные миграции, не говоря о препятствиях доступу представителей гуманитарных организаций к попавшим в западню, как это было в Сирии, причём в условиях пандемии. Здесь следует иметь в виду, что в силу затяжного характера многих политических конфликтов скованность попавших в их капканы людей нередко бывает более продолжительной по сравнению с ситуациями природных бедствий.

Для последних десятилетий были характерны в основном очаговые формы вынужденной иммобилизации, связанные в том числе с ограничениями передвижения населения по медицинским соображениям в условиях эпидемий SARS, MERS, H1N1, Zika и Ebola. Пандемия COVID-19, нарушив прежние алгоритмы передвижений, фактически вызвала глобальную вынужденную неподвижность населения. Массовое закрытие в начальный период пандемии государствами своих границ для иностранцев, а порой и для собственных граждан, прекращение прямого сообщения между странами и широкомасштабное введение других запретительных мер усугублялось финансовыми и логистическими сложностями возврата домой людей, находившихся за границей. Во многих странах иностранные работники, не имевшие возможности вернуться на родину, оказались в крайне тяжёлом материальном положении из-за потери работы при недоступности для многих из них социальных трансфертов. Истечение временной визы или вида на жительство ставило под вопрос легальность статуса пребывания таких мигрантов в стране.

В результате возникла глобальная когорта так называемых застрявших (*stranded*) в условиях пандемии мигрантов. По оценкам Международ-

ной организации по миграции, в июле 2020 г. в мире таковых насчитывалось более 2.75 млн, в том числе около 1.3 млн в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, 977 тыс. в Азиатско-Тихоокеанском регионе и 203 тыс. на территории Европейской экономической зоны и Швейцарии [27]. В прессе также сообщалось о 400 тыс. застрявших из-за пандемии на морских судах международного плавания.

В то же время заметны различия между людьми, попавшими в капканы конфликтов и природных бедствий, и мигрантами, застрявшими в западне пандемии. В первом случае оказываются обездвиженными преимущественно наиболее уязвимые слои местного населения. Во втором – самые разные группы приезжих: иностранные сезонные рабочие и студенты, лица, имеющие временный вид на жительство, медицинские туристы, команды морских судов, участники программ переселения, добровольной репатриации и реинтеграции и многие другие. Кроме того, как подмечает бельгийская исследовательница К. Зикграф, те, кто ограничен в передвижении в условиях политических и природных катаклизмов, могут избежать угроз безопасности и свободе, покинув соответствующую территорию. Напротив, принудительное временное помещение властями на карантин путешественников из стран "красного списка", равно как и контактировавших с ними лиц, а также жителей неблагополучных в эпидемическом отношении территорий, – это способ сохранить здоровье и жизнь не только этим, но и более широким категориям населения [26]. По большому счёту и режим самоизоляции носил, скорее, недобровольный характер. В результате локдауна весной 2020 г. почти половина землян были вынуждены оставаться дома, не говоря уже об отсутствии у них возможности выехать за границу.

О масштабном сдерживании мобильности в период пандемии свидетельствуют данные миграционной статистики. Согласно данным ОЭСР, число вновь выданных виз и других разрешительных документов в страны этой организации сократилось в первом полугодии 2020 г. на 46% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г., в том числе на 72% во втором квартале 2020 г. [28]. Общемировое число въездов туристов в 2020 г. снизилось на 70% в сопоставлении с 2019 г. [29, p. xii]. По оценкам ООН, если бы не было пандемии, возможно, в середине 2020 г. когорта международных мигрантов была бы на 2 млн больше, а темпы её роста с июля 2019 по июнь 2020 г. были бы на 27% выше зафиксированных [30].

Согласно материалам Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), по меньшей мере 72 страны отказали в приёме лицам, ищущим убежища. Тысячи беженцев из Латинской Америки оказались "запертыми в пути" [25] на севере Мексики в долгом ожидании решения властей США в лагерях временного содержания. Сотни беженцев рохинджа (этническая группа в Мьянме) были вынуждены месяцами находиться в море, не имея возможности высадиться в Малайзии из-за антиковидных ограничений. Приостановка действия программы переселения беженцев привела к застыванию их потоков минимум на два месяца. В первые 9 месяцев 2020 г. было переселено лишь 15 тыс. беженцев по сравнению с 50 тыс. за аналогичный период 2019 г. [5] Удар пандемии по системе защиты беженцев обнажает тесную связь между вынужденной мобильностью и иммобильностью, ставшими спутниками друг друга.

Хотя до сих пор не ведётся систематического учёта вынужденно иммобилизованных, усиление неустойчивости современного развития, особенно в период пандемии, прямо и косвенно указывает на укрупнение таких групп. По мере накопления опыта противодействия пандемии запретительные меры уступают место разрешительным, однако множественность ограничений, которых весной 2021 г. насчитывалось в мире более 100 тыс., жёсткость требований к состоянию здоровья путешественников, а также их медицинским документам, цифровой контроль за передвижениями людей и пр. создают серьёзные препятствия для возобновления массовых перемещений населения, открывая "век недобровольной иммобильности" [19].

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ В ОТНОШЕНИИ ВЫНУЖДЕННОЙ МОБИЛЬНОСТИ И ИММОБИЛЬНОСТИ

Превращение вынужденной миграции в важный вопрос международной повестки говорит об острой и неотложной потребности воздействия на коренные причины масштабного исхода населения из родных мест. Одновременно необходимо расширять сферу действия международной (и национальной) защиты, поддержки и помощи на большее число категорий и лиц, разрабатывать механизмы оперативного и гибкого реагирования на миграционные кризисы, повышать эффективность усилий в этой области.

Особое внимание уделяется беженцам. Лица, которые соответствуют определению "беженец"

[5] COVID-19 Analytical Snapshot #63: Displaced Populations Impacts Update. 23 December 2020. https://www.iom.int/sites/default/files/documents/covid-19_analytical_snapshot_63_displaced_population_impacts_update.pdf

согласно международному, региональному (документы ЕС, Афросоюза и др.) или национальному законодательству, либо согласно мандату УВКБ ООН, являются беженцами по международному праву, независимо от того, были ли они официально признаны таковыми. Это относится, например, к людям, которые вынуждены спасаться от неизбирательных последствий вооружённых конфликтов.

На региональном и особенно международном уровне в 2010-е годы был принят ряд важных документов, позволяющих расширить основания предоставления указанного статуса. Руководство УВКБ ООН по процедурам и критериям для определения статуса беженцев (2011) предусматривает применение определения "беженец" к лицам, подвергающимся преследованиям на почве гендерной принадлежности, к жертвам торговли людьми, а также допускает толкование данного определения в связи с сексуальной ориентацией. В соответствии с Правовыми комментариями по защите беженцев УВКБ (2017) эти нормы могут относиться к людям, спасающимся бегством от голода, обусловленного вооружённым конфликтом, насилием, и от землетрясений в странах с недемократическими режимами.

Беженцам, а также лицам, ищущим убежища, предоставляются определённые права и блага, включая социальную поддержку. В то же время неполное или непоследовательное применение правовых стандартов и норм в данной области ослабляет обеспечение международной защиты. Улучшению ситуации в этой области призван способствовать Комплекс всеобъемлющих мер по оказанию беженцам помощи, принятый на Генеральной Ассамблее ООН в 2016 г. и вошедший в Глобальный договор по беженцам 2018 г. Позитивный импульс этому процессу могут дать усилия, направленные на ослабление нагрузки на принимающие страны; повышение способности беженцев самостоятельно себя обеспечивать; расширение возможностей их доступа в третьи страны; содействие их безопасному и достойному возвращению в родные места. В то же время с понятийной точки зрения представляется не вполне корректным употребление в упомянутых документах терминов "беженец" и "мигрант" для обозначения самостоятельных, не пересекающихся групп мобильного населения.

При этом так называемые климатические, экологические и т.п. беженцы, не имеющие принятого определения, фактически "проваливаются в расселины, существующие в международном гуманитарном праве" [11, с. 72]. Особенно это касается людей, вынужденных покидать свои страны вследствие постепенного разрушения окружающей среды. Ведь до недавнего времени в международных и региональных документах (вышеупомянутые Руководящие принципы ООН 1998 г. и Кампальская конвенция Афросоюза 2009 г.) были прописаны в основном вопросы, связанные с перемещением лиц по этим причинам лишь внутри страны. А значит, остро необходимо создание специальной нормативной базы для признания статуса и защиты таких внешних мигрантов, развитие и улучшение функционирования соответствующей институциональной структуры, формирование эффективного межгосударственного и регионального сотрудничества и согласованных ответов в данной области.

Формированию правовых оснований защиты этой категории мигрантов способствовала разработка УВКБ ООН рекомендаций (2017) по использованию в правовой практике более широкого, нежели "беженцы", понятия "лица, нуждающиеся в международной защите". Помимо беженцев эта категория охватывает людей, перемещающихся через международную границу в связи с природными или техногенными катастрофами или неблагоприятными последствиями климатических изменений, включая повышение уровня моря, угрожающего затоплением малых островных государств и безгражданством их подданных. В отношении таких лиц, которые подвергаются серьёзным угрозам, но не подпадают под определение беженцев, могут применяться механизмы временного пребывания в принимающей стране на гуманитарных основаниях и другие дополнительные инструменты защиты, регламентирующие правила приёма и статус таких мигрантов.

Знаковым документом с точки зрения совместных усилий, интегрированных подходов и комплексных мер стал Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, подписанный (хотя и не имеющий обязательной силы) в 2018 г. более чем 150 государствами. В числе наиболее важных действий, предлагаемых в его разделе, посвящённом экологическим вопросам, – разработка стратегий адаптации, осуществляемой приоритетно в стране происхождения (что позволило бы ограничить вынужденную трансграничную миграцию), поддержка мер, способствующих снижению уязвимости, повышению потенциала противодействия и самодостаточности пострадавших лиц.

Данный договор, как и договор по беженцам, вписывается в более широкий контекст международных усилий. Они направлены на снижение вероятности конфликтов, природных бедствий, на повышение эффективности поддержки пострадавших, формирование у населения культуры гражданской защиты и принятие превентивных

мер[6]. Серьёзное внимание уделяется разработке программ переселения, в том числе в рамках адаптационного управления климатическими рисками. Схемы будущего расселения призваны обеспечить устойчивость людей и сообществ к изменениям среды обитания с учётом антропогенной нагрузки, напряжённости на рынке труда и в сфере социальных услуг, снизить вероятность межэтнических и межконфессиональных конфликтов на принимающих территориях.

В то же время положение вынужденно иммобильных людей пока остаётся вне должного правового регулирования. Между тем ещё в 1993 г. тогдашний Верховый комиссар УБКБ ООН С. Огата сделал заявление о необходимости уважения, учёта воли населения кризисных зон, его "права оставаться", что вдохновило кампанию "превентивной защиты", развёрнутую ООН в 1990-е годы [25]. "Инициатива Нансена" также содержала призыв не оставлять без внимания тех, кто продолжает находиться в неблагоприятных экологических условиях. Эксперты подчёркивают важность предоставления людям, оказавшимся в кризисной ситуации, необходимых сведений, чтобы их выбор был информированным, предотвращения попадания людей в ловушки конфликтов и природных бедствий и обеспечения возможностей покинуть их очаги. Не побуждая к переезду тех, кто, возможно, этого не хочет, необходимо создавать зоны безопасности, в которых иммобильные группы могли бы пользоваться защитой и помощью ООН и гуманитарных организаций [25].

Для улучшения участи мигрантов, застрявших в начальный период пандемии, МОМ запустила инициативу по выявлению их потребностей в информационной, консульской и визовой поддержке и содействии репатриации. Правительства стран пребывания таких иностранцев предприняли срочные меры правового и социально-экономического характера, которые носили кратковременный и несистемный характер [31, 32]. Целый ряд государств происхождения мигрантов организовал возвращение на родину своих граждан. Весной 2020 г. в рамках таких кампаний домой вернулись, по разным оценкам, порядка 200 тыс. россиян, 600 тыс. жителей стран ЕС, 145 тыс. филиппинцев, 77 тыс. египтян[7].

* * *

Вынужденная мобильность и иммобильность, олицетворяя прямо противоположные варианты миграционного поведения – действие и бездействие, представляют собой родственные концепты и взаимосвязанные процессы и состояния, порождаемые одними и теми же или сходными причинами. Политические и экологические катаклизмы увеличивают когорты населения, вынуждаемого к перемещениям, которое ретранслирует неблагополучие и нестабильность из одних регионов в другие. Умножение горячих точек конфликтов и катастроф усиливает риски застревания в капканах иммобильности больших групп людей. Рост масштабов вынужденных перемещений, повышение доли беженцев и соискателей убежища среди мигрантов говорят об усилении вынужденного характера современной миграции. В перспективе укреплению этой тенденции может способствовать ослабление добровольной миграции при распространении вынужденной иммобильности населения, в том числе на фоне высокой вероятности новых пандемий. Свой вклад в снижение мобильности вносит цифровизация экономики, ведущая к сокращению потребностей в малоквалифицированной иностранной рабочей силе и замещению физической миграции специалистов виртуальной.

При сохранении коренных причин вынужденных перемещений и неподвижности населения меры по улучшению положения пострадавших от политических и экологических катаклизмов зачастую носят паллиативный характер. Тем не менее наблюдается тенденция к расширению сферы защиты и помощи на более широкие нуждающиеся в них категории лиц. В отношении беженцев и лиц, перемещённых внутри стран, положение которых регламентируется большим числом нормативных документов, актуально совершенствование правоприменительных механизмов. Статус мигрантов, покидающих родину по экологическим, в том числе климатическим причинам, нуждается в более чётком определении на уровне международной конвенции. Требуется разработка стандартов защиты и поддержки лиц, оказавшихся в капканах конфликтов и катастроф. Усиливающаяся ориентация заинтересованных сторон на принятие комплексных решений и осуществление совместных действий позволяет надеяться на продвижение в разработке действенных и проактивных ответов на вызовы вынужденной мобильности и иммобильности.

[6] В числе важных соглашений – принятые в 2015 г. Повестка дня в области устойчивого развития, Парижское соглашение по изменению климата и Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015–2030 гг. Среди консультативных процессов – "Инициатива Нансена", запущенная в 2012 г. и преобразованная в 2016 г. в Платформу по вопросам перемещения населения в результате стихийных бедствий; Инициатива МОМ "Мигранты в странах, переживающих кризис" и Руководство по защите мигрантов в условиях конфликтов и природных бедствий (2016), Глобальная платформа по снижению риска бедствий (2017).

[7] COVID-19 Analytical Snapshot #54: Returning Migrants UPDATE. 8 September 2020. https://www.iom.int/sites/default/files/documents/covid-19_analytical_snapshot_54-_returning_migrants_update.pdf

ЛИТЕРАТУРА

1. Global Peace Index 2020: Measuring Peace in a Complex World. Sydney: Institute for Economics & Peace. 2020. https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/10/GPI_2020_Briefing_Web.pdf (дата обращения 05.03.2021).
2. World Migration Report 2020. Geneva: IOM, 2019.
3. *Урри Дж.* Мобильности / Пер. с англ. М.: Праксис, 2012.
4. *Piguet E.* Theories of Voluntary and Forced Migration // Routledge Handbook of Environmental Displacement and Migration / Ed. by R. McLeman and F. Gemenne. New York: Routledge, 2018. P. 17–28.
5. *Castles S.* Towards a Sociology of Forced Migration and Social Transformation // Sociology. 2003. № 37 (1). P. 13–34.
6. *Van Hear N.* Theories of Migration and Social Change // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2010. № 36 (10). P. 1531–1536. https://doi.org/10.1080/1369183X.2010.489359
7. *Castles S.* Understanding Global Migration: a Social Transformation Perspective // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2010. № 36 (10). P. 1565–1586.
8. *Black R., Bennett S., Thomas S., Beddington J.* Migration as adaptation // Nature. 2011. № 478. P. 447–449.
9. *Betts A.* Survival Migration: A New Protection Framework // Global Governance. 2010. № 3. P. 361–382.
10. International Migrant Stock 2020. POP/DB/MIG/Stock/Rev.2020. UNDESA, PD, 2020.
11. *Зворыкина Ю.В., Тетерятников К.С.* Климатическая (или экологическая?) миграция: проблемы и перспективы // Труды ВЭО России. 2019. № 2. С. 237–256.
12. Передовые рубежи 2017 года: намечающиеся проблемы, имеющие экологическое измерение. Найроби: ЮНЕП, 2017.
13. Glossary on Migration. Geneva: IOM, 2019.
14. *Евтушенко В.И.* Экологическая миграция как составная часть системы защищённости человека и обеспечения экологической безопасности // Lex russica. 2016. № 6 (115). С. 158–169.
15. *Топилин А.В.* Миграция населения и формирование трудовых ресурсов в СССР и на постсоветском пространстве: тенденции и регулирование. М.: Экон-Информ, 2020.
16. Global Internal Displacement Database. https://www.internal-displacement.org/database/displacement-data (дата обращения 29.05.2021).
17. Tomorrow's World of Migration. Geneva: FES, Global Future, IOM, 2017.
18. *Rigaud K. et al.* Groundswell: Preparing for Internal Climate Migration. Wash., DC.: World Bank, 2018.
19. *Carling J.* Migration in the Age of Involuntary Immobility: Theoretical Reflections and Cape Verdean Experiences // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2002. № 28(1). P. 5–42.
20. *Schewel K.* Understanding Immobility: Moving Beyond the Mobility Bias in Migration Studies // International Migration Review. 2020. № 54(2). P. 328–355. https://doi.org/10.1177/0197918319831952
21. Foresight. Migration and Global Environmental Change: Future Challenges and Opportunities. Final Project Report. London: The Government Office for Science, 2011. https:www.gov.uk/government/publications/migration-and-global-environmental-changefuture-challenges-andopportunities. С. 15 (дата обращения 03.04.2021).
22. *Haas H.* Migration Theory Quo Vadis? // IMI Working Papers Series. 2014. № 100. P. 1–39. https://www.migrationinstitute.org/publications/wp-100-14 (дата обращения 1.05.2021).
23. *Schon J.* Violent Encounters and Social Status Shape the Conditions for Migrants Fleeing Civil War // Migration Information Source. March 4, 2021. https://www.migrationpolicy.org/article/conditions-migrants-flee-civil-war-syria (дата обращения 23.04.2021).
24. *Ayeb-Karlsson S., Kniveton D., Cannon T.* Trapped in the Prison of the Mind: Notions of Climate-Induced (Im)Mobility Decision-Making and Wellbeing from an Urban Informal Settlement in Bangladesh // Palgrave Communications. 2020. V. 6. Article № 62. https://doi.org/10.1057/s41599-020-0443-2 (дата обращения 23.04.2021).
25. *Black R., Collyer M.* Populations 'trapped' at times of crisis // Forced Migration Review. 2014. № 45. P. 52–56.
26. *Zickgraf C.* Were we all trapped? Reflections on immobility during a global pandemic. https://environmentalmigration.iom.int/blogs/were-we-all-trapped-reflections-immobility-during-global-pandemic (дата обращения 03.04.2021).
27. COVID-19 Impact on Stranded Migrants // Return Task Force. 8 October 2020. https://www.iom.int/sites/default/files/documents/issue_brief_return_task_force.pdf (дата обращения 01.05.2021).
28. International Migration Outlook 2020. Paris : OECD Publishing, 2020.
29. World Economic Situation and Prospects 2021. NY: UN, 2021.
30. International Migration 2020 Highlights (ST/ESA/SER.A/452). UNDESA, PD, 2020.
31. *Рязанцев С.В., Брагин А.Д., Рязанцев Н.С.* Положение трудовых мигрантов в регионах мира: вызовы пандемии COVID-19 и реакция правительств // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. № 3. С. 7–21.
32. Социальное государство в зеркале общественных трансформаций / Отв. ред. Е.С. Садовая, И.П. Цапенко, И.В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН, 2020.